

Толычева Т.

**Рассказы очевидцев о
двенадцатом годе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Т11

Т11 **Т. Т.**
Рассказы очевидцев о двенадцатом годе / Толычева Т. – М.: Книга по Требованию, 2023. – 149 с.

ISBN 978-5-519-77279-2

Содержание: 1. Рассказ дворянки Анисьи Петровны Полуярославцевой. 2. Рассказ Аполлона Дмитриевича Сысоева, из купеческого звания. 3. Рассказ мещанина Петра Кондратьева. 4. Рассказ иеромонаха Чудова монастыря, отца Павла (в миру Петр Григорьевич Боровский). 5. Рассказ набилкинской богаделенки, Анны Андреевны Созоновой, бывшей крепостной Василия Титовича Лепехина. 6. Рассказ попады Марьи Степановны Никольской. 7. Рассказчик ранний священник церкви Филиппа митрополита на 3-й Мещанской, Федор Иванович Левицкий. 8. Французы в Горенках

ISBN 978-5-519-77279-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я долго собиралъ разказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ, и публика приняла такъ благосклонно мой первый трудъ, помѣщенный въ *Моск. Вѣд.* за 1872 годъ, что я старался, насколько возможно, его пополнить, и мнѣ посчастливилось отыскать еще нѣсколько стариковъ жившихъ въ Москвѣ или ея окрестностяхъ во время Наполеоновскаго нашествія. Всѣ источники, на которые я могъ разчитывать, были, какъ кажется, изслѣдованы теперь мной, и я рѣшаюсь выпустить отдѣльнымъ изданіемъ эти новые и вѣроятно послѣдніе разказы напечатанные въ № 11 *Русскаго Вѣстника*, съ присоединеніемъ къ нимъ еще одного, напечатаннаго въ журналѣ *Дѣтское Чтеніе* 1865 года.

Т. Н.

I.

РАЗКАЗЪ ДВОРЯНКИ АНИСЬИ ПАВЛОВНЫ ПОЛУ- ЯРОСЛАВЦЕВОЙ.

Насъ у родителей было двое: братъ и я. Въ Двѣнадцатомъ году мнѣ минуло девять, а брату десять лѣтъ. Жили мы въ собственномъ домѣ, и отецъ мой, Павелъ Васильевичъ Колѣнинъ, былъ помощникомъ квартальнаго надзирателя Срѣтенской части. Предъ тѣмъ временемъ какъ пришли къ намъ Французы приказано было всей полиціи выѣзжать изъ Москвы. Отецъ пришелъ въ горе: куда ему ѣхать съ женой да съ дѣтьми? Рѣшились мои родители обратиться къ Марьѣ Ивановнѣ Римской-Корсаковой. Она меня крестила и любила все наше семейство. Марья Ивановна упросила полицеймейстера оставить здѣсь моего отца, который очень обрадовался, и подумалъ сейчасъ о томъ чтобъ укрыть наше добро. Разобрали половицы въ одной изъ комнатъ и все спрятали подъ полъ.

Однако всѣ жители выбирались изъ города, нашъ кварталъ почти совсѣмъ опустѣлъ, и оставаться въ своемъ домѣ однимъ, что среди пустыни, было невозможно. Мы знали что изъ Страстнаго монастыря ушло много монахинь и что келіи ихъ пусты, и отецъ попросилъ у игуменьи позволенія переселиться въ монастырь. Она согласилась. Но мы отдавали внаймы одну половину нашего дома, и жильцы наши были люди ненадежные. Они видѣли куда мы прятали наше добро, и мои родители боялись какъ бы они имъ не воспользовались. Надо было тоже и ихъ перевести въ монастырь. И на это согласилась игуменья. Наканунѣ вступленія непріятелей мы всѣ ушли на новыя квартиры и заперли домъ.

Я помню какъ на другой день всѣ засуетились въ монастырѣ и закричали: „Французы идутъ!“ Всѣ бросились на монастырскія стѣны, и я, разумѣется, туда же влѣзла посмотреть. Французы шли отъ Тверской заставы, полкъ за полкомъ,—конца имъ не было видно. Мнѣ весело было слушать какъ они побрякивали саблями и я любовалась на ихъ мундиры, а многіе изъ старшихъ плакали.

Вступили они къ намъ въ понедѣльникъ, а во вторникъ ли, въ среду ли, ужъ не припомню, цѣлая толпа ворвалась въ монастырь и давай грабить. Монахины попрятались кто куда попало, а я убѣжала съ братомъ въ нашу келью, бросились мы подъ диванъ, лежимъ и молчимъ. На дворѣ было уже совсѣмъ темно. Страхъ на меня напалъ отъ темноты да отъ криковъ, которые раздавались на монастырѣ. Я протянула руку, чтобъ ощупать тутъ ли братъ, а онъ забился въ уголъ, такъ что достать я его не могла. Мнѣ показалось что онъ пропалъ, что его кто-то унесъ, и меня обдало холоднымъ потомъ, а позвать его я не смѣла: боялась звука собственного голоса. Вдругъ дверь отворилась, и два солдата шумно вошли со свѣчами въ рукахъ. Я себя не вспомнила отъ испуга и вскрикнула. Солдаты нагнулись, увидали насъ и вытащили изъ-подъ дивана. Мы были ни живы ни мертвы, и бросились вонъ изъ кельи.

Мы побѣжали по монастырскому двору и стали громко выкликать отца и мать. Они ушли на монастырскія стѣны. Отецъ не смѣлъ показаться непріятелямъ въ своемъ мундирѣ. Другаго платья у него не было, и онъ зналъ что кому другому, а служащему они пощады не дадутъ; а мать была еще молода и красива и боялась также встрѣтиться съ ними. Солдаты бѣгали по церквамъ и по кельямъ съ зажженными свѣчами, а до насъ не касались; къ счастью, мои родители это видѣли, но все-таки какво имъ было слышать наши отчаянные голоса!

Наконецъ грабители ушли, и все успокоилось, а мы съ братомъ вздохнули свободно лишь когда очутились съ отцомъ и матерью въ нашей маленькой комнатѣ. На слѣдующій день Французы опять пришли и заняли нѣсколько келій. Всѣ монастырскіе запасы они забрали, и бѣднымъ монахинымъ пришлось перебиваться кое-какъ. Подъ конецъ онѣ только и питались мерзлымъ картофелемъ, который вырывали въ сосѣднихъ огородахъ.

А родителей мы съ братомъ спасали отъ голода да отъ

притѣсненій. Приголубили насъ Французы; видно жаль имъ было дѣтей, и приносили они намъ хлѣба и всякой всячины, и по ихъ милости все наше семейство было сыто. Отецъ не выходилъ днемъ изъ нашей кельи, чтобъ не показаться Французамъ; какъ они бывало идутъ, онъ спрячется куда-нибудь въ темный уголъ, а лишь раннимъ утромъ, пока непріатели не показывались еще на улицѣ, онъ хаживалъ взглянуть на нашъ домишко, и все было у насъ въ порядкѣ на первыхъ порахъ. А разъ приходитъ онъ и видитъ что замокъ съ двери сбить. Такъ у отца и замерло сердце. Вошелъ онъ въ домъ: половицы разобраны, и все наше добро украдено. Не на кого было подумать какъ на нашихъ жильцовъ, олятъ же и знакомый сказывалъ отцу что шелъ мимо и видѣлъ какъ они все у насъ грабили. Очень горевали отецъ и мать, а дѣлать нечего: кому тутъ пожаловаться? Да ужъ Богъ бы съ ними что они нашимъ добромъ пользовались, а задумали они, по злобѣ, бѣднаго отца погубить, и объяснили Французамъ что здѣсь служащій отъ нихъ прячется и знаетъ гдѣ хранятся казенныя деньги. Ворвались къ намъ Французы, вытащили отца изъ кельи, объяснили ему что онъ долженъ выдать имъ деньги. Вѣдь иныя слова они говорить умѣли, а *деньга*, да *дай* ужъ какъ твердо знали. Онъ бѣдный сталъ божиться что никакихъ у него денегъ нѣтъ, а они и слушать не хотятъ, и грозятся его убить. Одинъ бросился на него со штыкомъ. А мы съ братомъ плохо понимаемъ что дѣлается, а только видимъ что отца обижаютъ и подняли ревъ, а отецъ и указалъ имъ на насъ и объясняетъ что сперва молъ дѣтей убейте, а потомъ ужъ и меня. Разсердился Французъ, съ сердцевъ даже штыкъ въ землю воткнулъ, и ушелъ, и отца они отпустили.

Я по глупости часто бѣгала за ворота посмотрѣть что тамъ дѣлается, и на какія я страсти наглядѣлась! Стою я разъ и вижу изъ угольного дома, гдѣ теперь аптека Губицкаго, идетъ женщина, и съ ней Французъ. Вдругъ изъ того же дома выбѣгаетъ нашъ Русскій, и погнался за ними. Онъ поднялъ среди площади большой камень и пустилъ во Француза. Камень ударилъ въ его голову и бѣднякъ упалъ весь въ крови; я помню какъ онъ застоналъ, а нашъ на него бросился и придушилъ его.

Другой разъ видѣла я какъ сбѣгался народъ на площадь и Французовъ много тоже нашло. Я стою и смотрю. Что жъ? Это они, злодѣи, притащили нашихъ вѣшать: зажигателей, ви-

дишь, поймали. Какіе зажигатели! Одного-то я узнала: изъ Корсаковского дома дворовый старикъ полуслѣпой. Сбыточное ли дѣло ему зажигать, ужь одна нога у него въ гробу! А хватали кто подъ руку попался, и кричали что зажигатели. Какъ накинуди имъ веревку на шею, взмолились они, сердечные. Многіе изъ нашихъ даже заплакали, а у злодѣевъ не дрогнула рука. Повѣсили ихъ, а которыхъ разстрѣляли, и тѣла тутъ оставили, вишь для примѣра, чтобъ другіе на нихъ кáзнились. А я все смотрѣла, и не смѣла отъ страха ни шевельнуться, ни духъ перевести.

Вотъ все чтò я ясно помню о Двѣнадцатомъ годѣ, остальное мнѣ мерещится словно въ туманѣ.

II.

РАЗКАЗЪ АПОЛЛОНА ДМИТРИЕВИЧА СЫСОЕВА, ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО ЗВАНІЯ.

Семейство было у насъ небольшое: дѣдъ, бабушка, мать и я, и жили мы не богато. Дѣдъ мой бралъ товары на комиссію и получалъ проценты со всего проданнаго. Нанимали мы небольшую квартиру подъ Вѣсками.

Очень мнѣ памятно какъ стали всѣ говорить о Французахъ. У насъ въ семействѣ только и рѣчи было что придетъ Бонапартъ и возьметъ въ полонъ Москву. Слѣдовало бы намъ поскорѣй выбираться по добру по здорову, и не мало о томъ разговоровъ было, да идти-то некуда, вотъ бѣда, и пока у насъ толковали да разсуждали, Французъ подошелъ. Послѣ мой покойный дѣдъ говаривалъ что еслибъ знали впередъ сколько горя увидимъ, такъ ушли бы, кажется, на власть Божію, хоть въ чистое поле.

Мнѣ было тогда одиннадцать лѣтъ, и страха, разумѣется, я никакого не зналъ, не понималъ что на насъ Богъ наказаніе посылаетъ. Разъ, дня три-четыре послѣ Бородинской битвы, бѣгалъ я по улицѣ около нашего дома, и вдругъ слышу раздаются стоны. Я оглянулся и вижу, лежатъ нѣсколько человѣкъ по той сторонѣ улицы, и около нихъ ходятъ наши сосѣди. Я подошелъ: лежатъ тутъ раненые, привезенные съ Бородинскаго поля. Зачѣмъ ихъ положили на улицу и не пріютили куда-нибудь въ домъ—этого я не знаю. У кого текла кровь по лицу, который былъ безъ руки или ноги. Сосѣди разносили имъ пить и ухаживали за ними. На другой день, когда я вышелъ на улицу, этихъ страдалъцевъ тутъ уже не было.

Наше маленькое добро придумали зарыть въ землю. Оставили только посуду необходимую, а платья и образа бабушка и мать уложили въ два сундука. Дѣдъ вырылъ яму въ саду; вызвался и я ему помогать и воображалъ что сталъ уже взрослымъ человѣкомъ. Еще задумалъ я какую штуку: разказывали что уже нѣсколько дней разбираетъ народъ оружіе изъ арсенала, и очень мнѣ хотѣлось достать себѣ ружье. Все-то мнѣ думалось какъ я его повяжу черезъ плечо и буду во Французовъ стрѣлять. Изъ нашей стороны много выбралось народу, однако кое-кто оставался. И подбей я трехъ шалуновъ, моихъ сверстниковъ, идти въ Кремль за ружьями. Ушли мы, отъ старшихъ разумѣется тайкомъ, да лишь только добѣжали до церкви Николы, къ намъ навстрѣчу толпа военныхъ, и видимъ мы что мундиры не наши, а народъ столпился кучками, указываетъ на нихъ и кричить: Французы! Французы! мы что ни хватили духу, назадъ, и оремъ во все горло что Французы пришли. Мои такъ и обмерли: мать заплакала, бабушка чуть со стула не упала отъ страха, а дѣдъ побѣждалъ ворота запирасть.

Помнится что это было часу въ третьемъ либо въ четвертомъ. Цѣлый вечеръ никто изъ дома не выходилъ, и спать мы легли не раздѣвшись. На другой день мы поднялись ранехонько, и только-что встали, слышимъ шумъ на дворѣ. Дѣдъ заглянулъ въ окно. „Ну говоритъ, пришли непрощенные гости.“ И точно дворъ былъ полонъ непріятелей; они перелѣзли къ намъ черезъ заборъ. Мы забились всѣ въ уголь и ждемъ: старшіе перекрестились и мнѣ приказали молитву про себя читать. Французы вошли, оглядѣли нашу квартиру, забрали фаянсовую и деревянную посуду что тутъ стояла, и ушли, а насъ не тронули.

Непріятельская армія вошла въ Москву въ понедѣльникъ, и тою же ночью начался пожаръ, и все разгорался. А въ среду поднялась съ утра страшная буря, и закипѣлъ по всему городу настоящій адъ. Около насъ горѣло вездѣ, и мы того и глядѣли что нашъ домъ вспыхнетъ. Дѣдъ говоритъ: „уйдемте къ Божedomкѣ, тамъ безопаснѣе будетъ“. У Божedomки былъ большой, съ высокою оградой садъ, чей—не помню, и мы думали до него добраться. Перекрестились мы и вышли изъ дома съ лустыми руками, и брать-то было нечего. Дѣдъ шелъ впереди со мною, мать вела бабушку, а за ними наша работница. Отошли мы нѣсколько шаговъ отъ дому, и оглянулись,

а работницы нѣтъ. Мы остановились и принялись ее выкликать въ четыре голоса, а кругомъ все трещить и рушится, а буря такъ и воетъ. Подождали мы немножко и пошли своею дорогой. Такъ и не узнали куда дѣвалась наша бѣдная Маланья: бросилась ли она въ другую сторону или ей удалось спастись, или она погибла—это одному Богу извѣстно.

Приходимъ въ садъ. Тамъ много народа сидѣло, и стояло много добра; чего, чего тутъ не было: сундуки, узелки, кузовочки и разная посуда. Садъ былъ большой, и всѣ сидѣли кучками, недалеко одни отъ другихъ, человѣкъ по пятнадцати и по двадцати,—кто къ кому пріюгится. Спали въ повалку на травѣ и питались чѣмъ Богъ пошлетъ. Бродили по огородамъ и ѣли овощи, иной разъ удавалось отыскать какую-нибудь провизію въ погребахъ, а рѣдко когда приходилось до-сыта наѣсться.

Какъ утихъ пожаръ, дѣдъ разбудилъ меня разъ раннимъ утромъ и велѣлъ идти съ собой на Москву-рѣку, гдѣ стояли барки съ пшеницей. Мы насыпали пшеницы въ мѣшокъ и пошли къ Данилову монастырю. Тамъ былъ латочный заводъ, и мы слышали что Французы продаютъ латокъ и покупателей не обижаютъ. Дѣдъ купилъ цѣлое ведро и заплатилъ сорокъ копѣекъ. Французы не принимали ни нашихъ ассигнацій, ни мѣдныхъ денегъ, а брали только серебряныя.

Пшеница которую мы взяли съ барокъ совсѣмъ обгорѣла. Мы разваривали ее въ водѣ и ѣли съ латокъ. Помню еще тогда всѣ смѣялись и говорили что мы словно кого поминаемъ кутей.

Приходили къ намъ иногда Французы. Обойдутъ всѣхъ и что имъ поладится то отымутъ, и всѣ отдавали свое добро, лишь бы голова на плечахъ осталась. Вѣдь они съ ружьями да саблями, а мы съ голыми руками. Опять же у насъ все почти женщины да старики, да дѣти, такъ ужъ приходилось терпѣть. Ну, а ужъ когда они къ намъ въ одиночку заглядывали, либо человѣка два придутъ, такъ мы ихъ принимали тоже по-своему. Помню я разъ вижу идетъ молодецъ, бравый такой, поживы тоже искалъ. Насъ онъ не тронулъ, а прошелъ дальше и давай забирать чужое добро. Вдругъ бросились на него нѣсколько человѣкъ, и пошла потѣха: наши кричатъ и онъ кричитъ—помилованья просить. Да ужъ гдѣ помилованья ждать, когда люди сами безъ крова да безъ хлѣба, и еще послѣднее съ нихъ тащить. Вижу я куда-то поволокли бѣднаго

Француза, а потомъ наши вернулись одни; порѣшили, говорятъ, съ нимъ—задушили его да въ колодезь спустили.

На наше счастье стояла погода сухая, и прожили мы недѣли три въ саду. Этимъ временемъ пожаръ утихъ, но жара стояла невыносимая: выгорѣли цѣлыя улицы, вездѣ дымились развалины и дымъ стоялъ такой густой что выѣдалъ глаза. А все же можно было пройти безопасно по городу. И пошелъ дѣдъ узнать о своемъ сынѣ. Сынъ-то его въ людяхъ жилъ у Мясницкихъ воротъ, и знали мы что его хозяева изъ Москвы собирались выѣхать. Дѣду и захотѣлось провѣдать что у нихъ дѣлается: „Можетъ, говорить, домъ ихъ уцѣлѣлъ, и вѣрно кто при домѣ остался, такъ хоть вѣсточку какую принесу.“ Вернулся дѣдъ, и лицо на немъ такое веселое. „Ну, говорить, слава Богу, сынъ здѣсь, а хозяева выѣхали: домъ пустъ, и мы туда переберемся. Сынъ бѣдный по насъ съ ума сходилъ. Провѣдывалъ тоже насъ, былъ въ нашей сторонкѣ, видитъ что домъ-то выгорѣлъ, и думалъ что мы всѣ погибли. Ужъ какъ онъ мнѣ обрадовался!“

Собрались мы мигомъ и пошли. Дядя насъ принялъ какъ самыхъ дорогихъ гостей, а мы и ему были рады, и тому рады что подъ кровомъ. Изъ дома все было увезено кромѣ мебели. Вечеромъ мы поужинали, улеглись на диванахъ и заснули, только не раздѣвались, все боялись какая тревога, чтобы по крайней мѣрѣ быть наготовѣ.

На другой же день приходятъ къ намъ Французы на постоя: человѣкъ около тридцати. Мы было испугались, а дядя говорить: „ничего, намъ еще съ ними безопасно будетъ. Около насъ стоятъ Французы, и не слышать чтобъ они кого обижали. Домъ большой: и имъ будетъ мѣсто и намъ.“

Отвелъ онъ имъ нѣсколько комнатъ, и они тутъ расположились. Потомъ пришли къ намъ человѣка три, ржаной муки принесли, и показываютъ чтобъ мы имъ испекли хлѣба. Мать и бабушка сейчасъ же замѣсили квашню, и на другой день поставили хлѣбы въ печь. У насъ, кажется, отъ одного хлѣбнаго запаха веселѣй на душѣ стало, давно ужъ мы его не слышали. Одинъ хлѣбъ мы себѣ оставили, а другіе дѣдъ отнесъ нашимъ постояльцамъ. Глядимъ, идетъ назадъ, и хлѣбъ у него въ рукахъ. „Добрые люди, говорить, дали намъ за труды.“

Мы имъ черезъ день пекли хлѣбы: каждый разъ себѣ одинъ оставляли, да они другой давали, и кромѣ того еще была